

СЕРГЕЙ
АЛЕКСЕЕВ

**Редакционно-издательская группа
«ЖАНРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»**

**представляет
лучшие романы Сергея Алексеева**

СОКРОВИЩА ВАЛЬКИРИИ. Стоящий у солнца

СОКРОВИЩА ВАЛЬКИРИИ. Страга Севера

СОКРОВИЩА ВАЛЬКИРИИ.

Земля сияющей власти

СОКРОВИЩА ВАЛЬКИРИИ. Звездные раны

СОКРОВИЩА ВАЛЬКИРИИ. Хранитель силы

СОКРОВИЩА ВАЛЬКИРИИ. Птичий путь

* * *

Волчья хватка

Волчья хватка – 2

* * *

Аз Бога Ведаю

СЕРГЕЙ
АЛЕКСЕЕВ

АЗ БОГА
ВЕДАЮ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(Рос=Рус)6-44
А47

Художник – Андрей Липаев

Компьютерный дизайн – Галина Смирнова

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Алексеев, Сергей Трофимович.

А47 Аз Бога Ведаю : [роман] / Сергей Алексеев. – Москва :
Издательство АСТ, 2015. – 512 с. – (Сокровища Вальки-
рии: лучшие романы Сергея Алексеева).

ISBN 978-5-17-092051-8

Младенцу Святославу – сыну княгини Ольги – предназначено было стать великим мужем, какие рождаются раз в тысячу лет, защищать и приумножать землю русскую, нести свет своему народу. Но свет может угаснуть, если вокруг сгущается мрак, если сердце матери полнится ненавистью к наложнице мужа, князя Игоря, – северянке Креславе, и льется рекой древлянская кровь. Хазарский каган вымаливает у подзвездного владыки Таинство укрощения света... И уже предрекают Святославу, что не Вещим он будет зваться, как его родич князь Олег, а Зловещим...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-092051-8

© Алексеев С.Т.
© ООО «Издательство АСТ», 2015

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТАИНСТВО РОЖДЕНИЯ

1

Благодатный месяц нисан, когда зацветала бескрайняя степь и наступала приятная после зимы жара, в этот год отмечен был дурным предзнаменованием. Из гузских недр Востока налетели степные бури; они срывали юрты, опрокидывали седоков на полном скаку и двигали песчаные холмы. И чуть унялось волнение земли, чуть улеглась пыль, у богоносного кагана Хазарии заломило кости и суставы. Он знал, к чему это: ранним утром примчались с Севера буйные ветры и их разбойный свист заполнил все пространство. По черным, жирным землям, не тронутым сохой, ударил снег, и выбеленная степь объялась неизвестной по весне стужей. Прошла одна суббота, другая, а холод лютовал, словно явился сюда навечно. Тепло нисана было извергнуто на целых пять суббот! Хазария продрогла до костей, внезапная зима валила скот, косила стариков, и, пользуясь непогодой, повсюду бежали рабы, но, не достигнув мест, где можно скрыться, тысячами замерзали в степи.

И было пищи волкам и лисицам...

Наведя разор, урон и страх, северные ветры насытились теплом, раздобрались и убрались восвояси. Теперь каган ждал, когда зазеленеет степь, чтобы оставить зимний дворец и кочевать на летний стан, однако ломота в суставах погнала его раньше: там, на озере Вршан, в земле поистине обетованной, есть животворные источники и лечебный ил. Ночью был снаряжен караван — пятьсот коней и столько же верблюдов ожидали часа, когда Великий

богоносный каган Аарон изволит выйти из дворца. На огненных коврах персидских, у мраморных колонн ждал многочисленный гарем: под чутким глазом стражников-скопцов тонули в белых покрывалах и озирались по сторонам женщины от всех племен, народов и сторон. Мир вне дворца им чудился таинственным и странным, поскольку они никогда не покидали его стен, не видели иных мужчин, кроме кагана, и сейчас, воспользовавшись минутой, исподтишка, чтобы скопцы не перехватили взгляда, смотрели на погонщиков верблюдов. Это были черные хазары — смуглокожие, жилистые мужи с черными от солнца лицами, из всей одежды лишь набедренные повязки...

А ниже, у подножия колонн, кагана ожидали белые хазары во главе с царем земным, каган-беком. Ослепительно белые одежды их образовали небольшой полукруг перед дворцом; за ним, будто море разливанное, теснились черные хазары. Однако и те, и другие стояли на коленях, ниц лицом, и никто не смел шевельнуться. Богоподобный каган мог явиться в любой миг, и кто бы из смертных, с умыслом или невзначай, поднял бы к нему очи и взглянул — мгновенно бы ослеп и умер, как от удара молнии.

Богоподобный облик Аарона пробуждал боязнь, как страшный степной мороз, и приводил в трепет как самих хазар, так и врагов, и этот безотчетный страх рассеивался в человеческих душах. Из всех живущих на земле один лишь каган-бек не посвящен был, но приобщен к Великим Таинствам существования кагана; очистившись огнем, он мог входить в палаты богоносца и видеть его лицо. Потому земного царя хазар называли еще Приобщенный Шад, и перстень на его указательном пальце с черепом — знаком смерти — был знаком этого приобщения.

Сейчас, среди преклоненного народа, над согбенными спинами, будь они в белых одеяниях или же в рванье, возвышался и стоял прямо один каган-бек.

Тем временем богоподобный молился в дворцовом храме, просил бога, чтобы послал ему путь к летнему стану на озере Вршан. Он не нуждался в посреднике — равнине, и весь обряд отправлял сам. Читая Мишну, вдруг снова ощутил, что ломит суставы, а потом и вовсе стал спотыкаться — одеревенел язык, похолодело небо и покривились в судороге губы. Ему почудилось, что ветры Севера опять вернулись в степь и принесли стужу. Как правоверный иудей, ничуть не смутившись и невзирая на дурную ночь, он продолжал читать, пока слова священной

Мишны не зазвучали так, как звучит ругань у поганных гузов. Тогда он замолчал и отложил свиток Мишны, однако взял Тору, чтобы прочитать Исход: тонувший в садах райский летний стан напоминал кагану Палестину, где юный Аарон постигал суть Великих Таинств существования Мира. Обетованная земля на озере Вршан манила богоносного из Итиля, как некогда рожданица Моисея из Египта. Всякий год, едва дождавшись месяца нисана и сочных трав в степи, каган совершал исход, а в Хазарии наступала праздничная, подобная пасхальной, неделя — исход в рай летнего стана.

Каган развернул свиток Торы, но и слова прочитать не смог, лишился речи. Онемевшие уста вышли из повиновения, раздавался лишь невнятный хрип и гортанное мычание. И тут богоносный не дрогнул — принялся читать глазами, однако после первых слов с жертвенника неожиданно сорвалась и упала на гранитный пол хрустальная звезда. И будто расчленилась на все свои шесть лучей! Ковчег же закачался, словно на волнах, и тоже был готов сверзнуться на пол, но устоял. Каган выронил Тору и отшатнулся: на его глазах осколки звезды начали таять, словно лед на солнце, издавая смраднѝй дух.

Знак говорил о смерти! Богоподобнѝй встал на колени и воздел руки.

«Великий Яхве! Небеснѝй Вседержитель! — мысленно воскликнул он, издав устами глухой стон. — Кто-то не дает мне молиться! Или ты посылаешь мне знак смерти?»

Молчание показалось ему выразительным и зловещим. Руки богоносного заледенели.

«Но почему так рано? Ты сам назвал мой срок — сорок лет! Но я правлю всего половину...»

В этот миг Аарон почувствовал, как всегда стремительная и острая мысль, словно конь в песке, стала барахтаться и тонуть, погружаясь в зыбь. Еще через мгновение все было кончено: потухший разум воспринимал лишь то, что видели очи — каменный пол, ступени к алтарю, лишенный звезды жертвенник...

Вошедшѝй в синагогу каган-бек застал его каменным болваном. Богоноснѝй держал в руках свиток Торы и чему-то радостно смеялся. На лице Приобщенного Шада не дрогнул ни один мускул. Он очистил себя огнем, небрежно махнув вокруг головы чадящим факелом, припал лицом к гранитным плитам пола и так подполз к кагану, не отступив от ритуала. Богоподобнѝй не заме-

чал его, раскручивая свиток и метая на пол. Суровой рукой каган-бек отнял забаву, затем поставил на ноги бесчувственное тело и повел в колоннаду.

Хазары лежали ниц — круг белых, море черных. Весенний ливень сек и поливал согбенные спины: богоподобного видел один каган-бек. Он почти тащил кагана к мраморным ступеням, чтобы спустить на площадь и посадить в зыбку, установленную меж двух коней в особой упряжке. Но, ступив на лестницу, богоподобный вдруг вырвался из рук, попятился и замычал, тыча рукой в небо.

Сотворенный богом Яхве мир сошел с ума, нарушился привычный ход вещей...

На Севере, в проране среди туч, вставала заря!

Светлый небосклон, пронизанный лучами, раздвинул сумрак, прорвал завесу туч, и отблески зари враз омертвили многолюдную площадь, замок кагана и глаза его — богоподобный был ослеплен! Зеницы глаз исчезли, на мир таращились лишь красноватые белки...

Спустя мгновение закрылось небо, холодные северные тучи сомкнулись, и осталось лишь светящееся радужное пятно, напоминающее детскую рубашку.

И здесь не дрогнул каган-бек. Прикрыв глаза рукой, он свел богоносного на площадь, усадил в зыбку и хлестнул коней ременной плетью. Едва лошади скрылись из глаз, площадь зашевелилась, закричала:

— Слава богоподобному кагану! Слава!

Выждав расстояние в четверть стадии, за конями кагана помчалась свита, затем поднялся караван, закричали верблюды, погонщики, ездовые на арбах под шатрами, где тихо взирали на суету булгарки, гречанки волоokie, послушные еврейки и нежные персиянки, смоляно-черноволосяе египтянки и желтоголосяе славянки.

Дождь кончился, когда последний конь кочевья истаял за оемом степи. Народ же хазарский, проводив кагана, разбрелся по домам, чтобы вкусить вина и праздничных яств. И будто опустел Итиль...

Лишь каган-бек остался на площади перед зимним замком богоносного. Хмурая лоб, он бродил и спотыкался на следах, оставленных коленями и локтями. Потом ременной плетью ударил себя по мягкому голенищу — рядом мгновенно очутилась свита и подвели коня. Приобшденный Шад без всякой помощи вскочил в сед-

ло и помчался к своему замку. Через четверть часа тяжелые ворота распахнулись и выпустили в степь летучий кагал с гроздьями коней подводных. Среди всадников был сам каган-бек, обряженный в одежды простого воина...

Сначала он отправился по следу ушедшего кочевья, но вот свернул в неезженую степь и, огибая путь кагана, ушел вперед. Скакали всю ночь и к утру, миновав стороной райский сад на озере Вршан, устремились далее, к Саркелу. Коней меняли, как лучники меняют стрелы, выхватывая их из растворенных колчанов. Трехдневный путь к полудню одолели.

После полуденного зноя хазарский земной царь, не узнаваемый народом, бродил среди купцов, торговцев и менял: шутил, приценился к товару, слушал рассказы бывалых мореходов и смеялся над веселыми зазывалами.

Стараясь остаться незамеченным, он заглянул в лавчонку, где молодой хазарин торговал хлебом. Тут Приобщенный Шад купил ковригу, но заплатил не медью, не серебром, а положил на прилавок свой перстень с черепом. Хазарин неспешно отер руки о фартук, взял плату, поглядел под светом и вернул.

— Одна коврига стоит шесть мелких монет. За твой перстень я бы не дал и одной.

— Я голоден, — признался Приобщенный Шад. — Дай в долг. Я же верну тебе не шесть, а семь монет.

— Если нынче вечером, то семь, — стал торговаться лавочник. — Утром будет уже двенадцать.

— К вечеру я добуду семь, — заверил каган-бек. — Утром я отпываю.

Только острый, внимательный глаз Приобщенного к Тайнствам Шада мог угадать в торговце хлебом род священных Ашинов: невозмутимость богоносного наследника престола не проступала сквозь черный, мерзкий лик хазарина.

А вечером, когда прохлада стала клонить горожан в сон и негу, каган-бек в одеждах лариссея — городского стражника — ступил в лачугу, стоящую за оборонительным рвом Саркела. Там Приобщенный Шад очистился огнем и, припадая лицом к земляному полу, предстал перед наследником.

— Ты ли старший сын богоподобного Аарона? — согласно ритуалу спросил он.

— Я старший сын богоподобного Аарона, имя мое — Иосиф, — ответил торговец хлебом.

— Был ли ты в странствии? Ступал ли по дорогам Иудей? Или сидел в своей лавчонке?

— Отправлен в странствие был младенцем, но вернулся мужем.

— Что же делал там столько лет?

— В Египет путешествовал. Там, приобщившись к деяниям Моисея, прошел путем Исхода... — наследник прервался. — По ритуалу, таких вопросов ты не должен задавать!

Каган-бек вскочил с сияющими глазами.

— Но ты же проговорился! Ты сказал: «Прошел путем Исхода!» А что же делал дальше?

Наследный покровитель каганата полулежал на одре в набедренной повязке и был невозмутим. Он утопал в перине из лебяжьего пуха, который колебался под тканью даже от дыхания.

— Ты — царь земной. Зачем тебе Знания Великих Таинств? Не я сказал: «Богу — богово, а кесарю...»

— Дай знаний! — взмолился Приобщенный Шад и повалился в ноги. — Поделись со мной! Мы же братья! И корень у нас один: мы сыновья Тогармы!

Иосиф улыбнулся. Сквозь лик черного хазарина проявился белый род Ашинов.

— Уймись, поганый! Не смей соединять наши роды. Верно, мы потомки Тогармы. Но мой родоначальник Хазар! А твой — Булгар презренный!

— А по закону крови?! — вскричал каган-бек. — Мы — от единой плоти!

Богоносный наследник лишь рассмеялся:

— Безумный!.. Ступай в гончарню и взгляни, на чем стоят законы. Ком глины может стать амфорой для вин, а может — и горшком для испражнений. И все — на одном гончарном круге, под одной рукой. Я богоносен! А ты служить станешь мне шаббатгом, поскольку всего лишь приобщен.

Каган-бек на короткий миг потерял самообладание и, потрясая руками — то угрожая, то плача, заговорил:

— Отдай мне твою власть! Отдай! Владея Таинствами, я покорю мир! У моих ног будут лежать арабы и ромеи! Я одолею Русь. Весь Север! Все народы принесут мне дань, а их боги склонятся перед богом Яхве! Наш Вседержитель в мире воцарится! А на земле только одна империя — Хазария! Ты же, Иосиф, будешь моим соправителем. Я не обижу тебя! Ведь и сейчас по ритуалу я

буду сажать тебя на престол! А выйдет срок — с престола уберу!
Я над твоим престолом имею власть!

Богоносный наследник неожиданно ударил Приобщенного ШАда ногой в лицо.

— Довольно мерзких слов! Хватит и той власти, что ты имеешь. Поскольку невероятно глуп!

Каган-бек зажал разбитое лицо, склонился, утирая кровь. Наследник швырнул ему свою набедренную повязку.

— Утрись, нечистый!.. Ты покоришь народы? Ты возвысишь Хазарию над всеми? Мне правду говорили, все Приобщенные теряют последний разум... Ты не возвысишь Хазарию, а напротив, разоришь и стубишь. Она растворится среди покоренных народов. Пока ты у власти, твоя империя кое-как продержится. Но умрешь, и Хазария умрет вместе с империей из дурных, но сильных государств. Это уже бывало на земле... Да полно метать бисер!

Богopodobный взбил подушку, на короткий миг отвернувшись от каган-бека, и тот со стремительностью змеи сунулся к одру и ловко набросил шелковый шнурок на шею наследника. Сдавил удавку намертво — тот не дрогнул! Преодолевая силу рук Приобщенного ШАда, взбил-таки подушку и улегся, как хотел.

— Ты явился венчать меня на трон? — вымолвил он сдавленно. — Да ритуал нарушил. Мой отец — каган Аарон — пока еще жив. А двум каганам на троне не бывать.

— Он мертв! — хрипя от напряжения, сказал каган-бек.

— Лжешь, презренный, — храня спокойствие, промолвил богopodobный наследник. — Каган жив!.. Или хочешь удавить меня? Напрасно, твоя земная власть умрет со мной. Сними удавку.

— Не сниму! — злорадно хрипел душитель. — И жизнь не отниму, живи. Но выдавлю из тебя суть Великих Тайнств. Говори! Что делал в Иудее столько лет? Прошел путем Исхода? Что еще?!

Шелк резал горло, веревка пропиталась кровью, однако наследник чуть побагровел и усмехнулся:

— Сказать?.. О, Всевышний!.. Так и быть, скажу. Учился в Иудее.

— Чему? — Приобщенный ШАд опрокинул жертву и сел на грудь.

— Тому же, чего жаждешь ты: искусству править миром.

— Как править миром? — налившись кровью, прохрипел каган-бек, словно не он, а его душили. — Ну, говори!

— Ну, полно, каган-бек, — смех унимая, вымолвил богоносный наследник. — Жаль тебя... И потому выдам одну тайну. Запомни, безмудрый: кто руку поднимет на богоподобного — своей рукой удавлен будет. Не казни же себя, Приобщенный!

Каган-бек задыхался, глаза полезли из орбит, и изо рта вдруг пошла пена и вывалился язык, похожий на баклажан. Он выпустил шнурок и откатился на пол. Едва отдышался, корчась, с трудом поднял голову. Безумный страх вдруг пронзил его.

Наследник снял с шеи шнурок — следа на коже не осталось!

— Я знал, с какой мыслью ты явишься ко мне, — проговорил он медленно, поиграл удавкой. — Отец мой Аарон жив, но разум у него помутился. Хоть правил он всего половину срока, назначенного промыслом божьим, но далее править не может... Ты слышишь меня?

Окаменевший Шад слегка качнулся, быстро закивал. Разбитый страхом, словно грозой, он приходил в себя. Наследник продолжал:

— По закону предков тебе блюсти престол. Ты волен возводить на трон или низвергать с него. Земная жизнь Хазарии вся в твоей власти. Подумай теперь сам: возможно ли, чтобы безумец — мой отец — был подобен богу?

Каган-бек вновь закивал и вызвал недовольство.

— Очнись, болгар нечистый! Ты же царь, не кукла! И ты не первый из земных царей, кто покушается на власть кагана, прельщенный Таинствами. Это случается всякий раз, как только каган умирает. Ваш богомерзкий род всегда стремился занять высший трон. Чуть приобщат очередного каган-бека, на йоту приоткроют Таинства — он уж возомнит себя великим! И требует большего, чем даровано Ашинами... Что киваешь? Я спросил: возможно, чтобы сумасшедший правил духом Хазарии?

— Нет, невозможно! — вскричал Приобщенный Шад. — С рассудком утрачивается богоподобный образ...

— Так пойдь к нему! — велел Иосиф и подал шелковый шнур. — Исполни заповеди предков. Да не медли!

Приобщенный отпрянул, заслонился рукой.

— Если он... здоров рассудком?!

— Заря не может вставать на Севере, — пояснил наследник. — Она всегда бывает на Востоке утром, на Западе — вечером.

— Я тоже... видел! — со страхом признался каган-бек. — Заря была на Севере. И луч потом светился до полудня...

Наследник ударил шнурком по лицу царя:

— Ты усомнился в истинном учении?

— Нет! Нет!.. Но видел!

— И это уже бывало, — вздохнул наследник и повесил на руку каган-бека удавку. — Светился Север... Ну и что? Да солнце там не вставало и не встанет!.. Ступай, куда велел!

Дрожащей рукой Приобщенный Шад взял шнур и, кланяясь, удалился. Наследник усмехнулся ему вслед:

— Заря на Севере!.. Всего лишь заря, а готов уж богу душу отдать!

Покинув бедную лачугу, каган-бек направился ко рву и на мгновение замер: среди отбросов городских, в смердящей грязной луже сидел младенец — старший сын небесного царя Хазарии, сам будущий священный каган и управитель богоподобный.

Сквозь мерзость нищеты и нечистот виднелся род Ашинов...

От своего сотворения триединый мир был неделим. В безбрежном океане Времени плыла Земля, а в нем существовало всего лишь три Пути: по первому двигалось Солнце, звезды — по второму, по третьему же ходила Тьма. В том месте, где они пересекались — на Распутье — родился новый мир, новая стихия космоса — Род Человеческий.

Распутье... Оно может и свести народы, пришедшие из разных сторон, и развести в разные стороны. Оно имеет магическую суть, поскольку родина людей притягивает к себе с необоримой материнской силой, однако же при этом никогда не в состоянии удержать возле себя: жажда к пути и странствию, к открытию новых мест и земель всегда побеждает. Потому и невозможно было жить на Распутье: лежащие у ног дороги тянули изведать их, как тянет из дома всякого возмужавшего отрока — что там за холмом, за перелеском?.. Но куда бы не ступал он, все равно возвращался к началу всех Путей и снова оказывался на Распутье, ибо нельзя было миновать родины.

Род Человеческий возрос и возмужал, и страстью гонимый познать, что суть Свет, а значит, бог, имея просвещенный ум, но душу незрячую, вздумал испытать, что станет, если он, человек, взожжет протуберанец на земле — такой же, как на солнце, то бишь силой разума достигнет промыслов божьих.

И возжог!

Пожар великий землю охватил и долгий срок пылал от окоема до окоема, но, даже погаснув, сделал пространство непригодным для жизни и процветания. Спустившийся из стран Полуночных великий хлад согнал людей с обжитых мест, и разбрелись они по нехоженным сторонам, без путей и дорог, оказавшись в мире Хаоса. Чужие звезды светили над головой, иным путем двигалось солнце, неведомые реки бежали к неизвестным морям и безбрежным океанам. Мечта отыскать Распутье, чтобы встать на нем и, осмотревшись, вновь найти дороги, мечта вырваться из Хаоса и утвердиться в мире становилась неодолимой. И тогда круто заваленные в одном котле роды, племена и народы дерзнули выстроить новое Распутье, чтобы, достигнув небес, оглядеть пространство, в коем они оказались.

И небеса взирали с тоской, как среди песчаных, жарких и густонаселенных мест гигантской спиралью вздымалась башня. Да напрасным был труд безумцев! Всемогущий Хаос разрушил Вавилон и, разделив народы, так разметал их по земле, что пыль Времен тысячелетиями кружилась в воздухе и, оседая, навечно хоронила и само Распутье, и все пути к нему. Земля обетованная погребена была, но память о ней лишь разжигала страсть поиска. А Вавилон, этот новоявленный Хаос, успел сотворить свое черное дело, поделив мир на тысячи частей.

Народы Севера — страны Полуночной, — вернувшись в свои земли, утешились мыслью, что родина людей лежит на Юге, в странах Полудня: там солнце поднималось в зенит и замирало в полдень. Народы Юга, напротив, мыслью устремились к Северу, где солнце светило даже ночью — знать, там Распутье всех Путей. Но Запад и Восток, друг с другом споря, охвачены были гордыней. Эти народы метались вслед за солнцем и совершали круг. Один стремился двигаться по ходу солнца, другой — напротив, и всякий утверждал, что только он ведает Пути к Родине Человечества. Обетованная земля сулила рай, манила, звала, прельщала полустертой детской памятью о великом блаженстве, да коварный этот призрак был недостижим, как Млечный Путь.

В бесчисленных исходах, в бурях потрясений утрачивались Время, Пространство и смысл бытия.

И реки крови метили такие исходы...

Из вечного кружения народов, из этих бессмысленных метаний и темных пучин когда-то возникли и хазары...

Но прежде было так: рожденный от рабыни египетской, но с младенчества воспитанный при царском дворе муж Моисей, набравшись мудростей древних от рохданитов, явился к другим рабам сам в образе рохданита — знающего Пути в страну Обетованную, на Родину людей. И возмутил всех рабов Египта, вселил в них веру в благополучный исход. Обнадежившись, рабы восстали и учинили мор, разор и великую смуту, после чего рохданит Моисей увел их в пустыню. Там, в огненных песках, в безводье, он отсеял весь человеческий мусор, дабы не вести его к Распутью. Иной род вымер сам, иной был изгнан или лишен воды и пищи, сам стал рабом рабов. Оставив под рукой лишь верных, тех, кто боготворил его, Моисея, он повел их в Палестину, поскольку слышал от придворных мудрецов фараона, что эта страна и есть Распутье. Рохданит обещал рабам, что, заселив эту землю, они встанут у истоков своих Путей и станут править миром.

А разноплеменный сброд, оставшийся в пустыне, собрался под руку вождя Хазараима и побрел искать обетованную землю своим путем.

И канул в хаосе движения народов.

Племя хазараимов, как всякий прочий сор, носило по земле из края в край. Не знали они, в чьих землях живут, чьим богам молятся и были ли у них свои, ибо утратили речь, память и обычаи. А вместе с этим утеряли и смысл исхода: куда пошли и зачем, если были рабы и остались рабами? Если жизнь полудикая и полудикий скот является вождем племени: стада брели туда, где больше травы, а люди — за скотом.

Так минули века...

Возникнув в Палестине, Иудея недолго вкушала райскую благодать. Скоро она вновь была обращена в рабство, так и не познав владычества над миром. Одна часть смирилась с привычным состоянием и вечной участью, другая же разбрелась по странам искать пути к Распутью и власти на земле.

И вот некий рохданит Исаяя, бродя в песках Востока, нашел хазараимов и лишь по единственному признаку угадал в них рабов из Египта. Под жерновами других народов их лица изжелтели, глаза пошли в раскос, скривились ноги от жизни на конях. Никто не помнил, кто они есть, откуда пришли, и только в одном роду Ашина почитали субботу и обрезали плоть, не зная сути ритуала.